

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ОПТИКЕ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

DOI 10.15826/koinon.2022.03.3.4.027

УДК 327(470)“1991” + 327.82 + 316.485 + 327.3

ИСПЫТАНИЕ ИМПЕРИЕЙ: ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В. И. Михайленко

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: В статье рассматривается эволюция внешней политики Российской Федерации начиная с 1991 года. Автор увязывает логику принимаемых внешнеполитических решений с особенностями формирования стратегической культуры правящей элиты, изменения которой связаны с внутриполитическими процессами. Доминирование имперского подхода во внешней политике стало результатом отступления от либерально-демократического транзита в середине 1990-х годов. В политической элите и массовом сознании происходит утверждение концепций «особого цивилизационного пути России», «антизападной и антилиберальной цивилизации», «осажденной крепости». Другим фактором, оказавшим влияние на формирование антизападной позиции, стал эгоизм утверждавшегося в 1990-х годах однополюсного американского порядка. Для достижения внешнеполитических целей, важнейшей из которых являлось достижение соглашения с США о разграничении сфер влияния, российское руководство использовало обширный арсенал «мягкой силы», методов «гибридных войн». «Признание полезности военной силы» для реализации внешнеполитических целей фактически означает отказ от стратегии непрямых действий, которая применялась до этого времени для достижения внешнеполитических целей.

Ключевые слова: внешняя политика России, имперская политика, дипломатия освобождения, стратегическая культура, стратегия непрямых действий, многополярность.

Для цитирования: Михайленко В. И. Испытание империей: эволюция российской внешней политики // *Koinon*. 2022. Т. 3. № 3–4. С. 7–24. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.3.4.027

IMPERIAL TRIAL: EVOLUTION OF RUSSIAN FOREIGN POLICY

V. I. Mikhaylenko

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article examines the evolution of the foreign policy of the Russian Federation since 1991. The author links the logic of foreign policy decision-making with the features of the formation of the ruling elite's strategic culture, which changes are associated with domestic political processes. The dominance of the imperial approach in foreign policy was the result of a retreat from the liberal-democratic transition in the mid-1990s. The concepts of "special civilizational path of Russia", "anti-Western and anti-liberal civilization", and "besieged fortress" are being approved in the political elite and mass consciousness. Another factor that influenced the formation of the anti-Western position was the egoism of the unipolar American order that was being established in the 1990s. The Russian leadership used an extensive arsenal of "soft power", and methods of "hybrid wars" to achieve its foreign policy goals, the most important of which was to reach an agreement on the delimitation of spheres of influence with the United States. "Recognizing the usefulness of military force" for the realization of foreign policy goals actually means abandoning the strategy of indirect approach that was used up to that time to achieve foreign policy goals.

Key words: Russian foreign policy, imperial policy, liberation diplomacy, strategic culture, strategy of indirect approach, multipolarity.

For citation: Mikhaylenko, V. I. (2022), "Imperial Trial: Evolution of Russian Foreign Policy", *Koinon*, vol. 3, no. 3–4, pp. 7–24 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.3.4.027

Русь, куда ж несешься ты? дай ответ.
Не дает ответа.

Гоголь Н. В. Мертвые души

Введение

В течение более трех десятилетий после распада СССР российская внешняя политика претерпела ряд серьезных изменений, этапность и логику которых ставится задачей изучить в данной статье. В качестве научной гипотезы автор выносит следующие положения: 1. Особенности эволюции внешней политики связаны с динамикой внутривнутриполитических процессов в России, в частности, с восприятием и реакцией масс и политической элиты на демократические реформы. 2. В оценке стратегической культуры российской правящей элиты автор исходит из того, что постепенное ослабление присутствия реформаторского ядра в законодательной и исполнительной власти привело к отказу от «стратегического партнерства» с Западом и к постепенному ужесточению антизападной риторики и политики. 3. Свою негативную роль в восприятии Запада сыграли эгоизм однополярной политики США и связанные с ним вызовы национальным интересам России. 4. Автор утверждает, что Россия располагает достаточным арсеналом «мягкой силы», который при умелом использовании мог бы обеспечить защиту внешнеполитических интересов. 5. Инструментами реализации российских интересов были стратегия не прямых действий и концепция «гибридной войны». 6. Самой большой инновацией во внешней политике начиная с 24 февраля 2022 года стало «признание полезности военной силы» для реализации внешнеполитических целей. 7. В статье устанавливается взаимосвязь между утверждениями в политической элите и массовом сознании концепций «особого цивилизационного пути России», «антизападной и антилиберальной цивилизации», «осажденной крепости» и нарастанием военной составляющей в реализации внешнеполитических целей.

В статье автор выборочно опирается на такие теории международных отношений, как неореализм, постмодернизм, конструктивизм, использует темпоральный подход и стратегическую культуру как инструменты политического анализа.

Стратегическая культура российской правящей элиты и национальный интерес

Кратковременный период политического доминирования концепции «нового мышления», предполагавшей признание «общечеловеческих ценностей», «мира без насилия и войн», «диалог и сотрудничество ради сохранения

цивилизации», по мнению Р. Г. Пихои, был вынужденным [Пихоя 2007, с. 386]. За исключением узкого круга своих соратников концепция М. С. Горбачева не пустила глубокие корни в стратегической культуре правящей элиты. А. Цыганков считает, что горбачевское руководство относилось к категории «советских западников». Они стремились к получению признания Запада за счет проведения внутренних реформ и укрепления международного сотрудничества. В западных странах близкие к ним взгляды выражали европейские социал-демократы. Сотрудничество с ними, особенно в области разрядки, укрепляло позиции советских реформистов на международной арене. В СССР позиция «советских западников» разделялась в основном представителями образованного среднего класса и интеллигенцией [Цыганков 2008].

Реформатор «первой волны» Г. Э. Бурбулис спустя пятнадцать лет после своей отставки с высокого государственного поста сокрушался по поводу того, что «определение ближайших и долгосрочных стратегических целей развития России не стало до сих пор предметом... интеллектуально-нравственного, коллективного поиска» [Бурбулис 2007, с. 24]. Это были запоздалые сетования «младореформатора».

Завершение строительства вертикали власти привело к выравниванию концептуальных подходов между внутренней и внешней политикой. В авторитарных государствах, как правило, под национальным интересом понимается примат государства перед личностью, а государственный интерес формируется «группой или группами интересов». Концепции формирует узкая группа «производителей новых смыслов», а затем уже эти идеи проникают в массовое сознание [Верховский, Паин 2013, с. 24].

На смену теориям классового противоборства, как основного фактора мировой политики, приходят геополитические конструкты, которые рассматривают современность как непримиримое противоборство культур и цивилизаций. Российские исследователи А. М. Верховский и Э. А. Паин полагают, что современные российские политические элиты склонны обращаться к концепту «цивилизационного национализма» [Там же, с. 23]. Отсюда интерес к евразийским, крайне правым и классическим и критическим геополитическим идеям.

Акцент на «особом российском пути» был призван легитимировать концепцию «суверенной демократии», которая сочетает в себе внешнюю независимость и внутренний авторитаризм. В 2000-е годы внешняя политика была приведена в соответствие с требованиями внутренней политики. По мере огосударствления экономики, политических институтов, частной жизни сформулированная концепция «суверенного государства» требовала от внешней политики защиты от международного контроля и вмешательства межпарламентских, правозащитных и других общественных организаций.

В государственной идеологии и политике доминирует концепт «Россия — великая держава». Если рассматривать концепт с позиций постструктурализма,

то это искусственный конструкт, универсальная идея, целями которых является объединение народа. Этот концепт способен конструировать социальное пространство. Концепт «Великая Россия» включает возвращение утраченного влияния в ближнем зарубежье и объединение всех славян; возвращение России статуса великой державы; превращение России в независимый центр силы в Евразии в рамках самых разных евразийских моделей; улучшение экономического положения страны [Мюллер, Троцук 2022, с. 111].

Инструменты продвижения российских государственных интересов на постсоветском пространстве

Россия имеет влиятельные инструменты для продвижения своих интересов в ближнем и дальнем зарубежье. Ее интересы продвигаются в межгосударственных институтах, таких как СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС. В качестве инструментов «мягкой силы» за рубежом используются созданные указами президента в 2007 году Фонд «Русский мир», Федеральное агентство «Россотрудничество», созданное в 2008 году, Фонд поддержки и защиты прав соотечественников. Во многих новых независимых государствах действуют православные приходы РПЦ. Правящая элита во многих республиках формировалась в советских и российских гражданских и военных учебных заведениях и сохранила связи с ними. В числе общественных организаций, действующих за рубежом, выделяются Международное евразийское движение во главе с философом Александром Дугиным, продвигающим идеи неоевразийства, традиционализма, национал-большевизма и консервативной революции, и аффилированное с ним Евразийское молодежное движение. На постсоветском пространстве работают аффилированные с Кремлем и с вышеупомянутыми общественными организациями средства массовой информации, в том числе «Россия сегодня», «Спутник», «Царьград» и др.

Влияние специфики российской модернизации на внешнюю политику России

Российский философ С. Н. Гавров рассматривает процесс российской модернизации как чередование имперской и либеральной моделей модернизации, в котором имперская модель является доминантной, а либеральная лишь дополнительной, компенсационной. Таким образом, российская модернизация не способствует вхождению в модерность, а приводит к «укреплению феодально-имперских оснований культурно-цивилизационной системы» [Гавров 2004].

В зависимости от этапов постсоветского транзита России происходили изменения внешнеполитических ориентиров и национального интереса.

Российское понимание национального интереса несколько раз подвергалось немалым изменениям. А. Цыганков выделяет пять концепций национального интереса: новое мышление, интеграция с Западом, великодержавное сдерживание, великодержавный прагматизм, великодержавная наступательность [Цыганков 2008].

Автор данного исследования выделяет пять периодов внешней политики современной России:

- первый период, 1991–1993 («стратегическое партнерство» с Западом — попытки возвращения к ялтинскому кондоминиуму);
- второй период, 1994–2007 (сотрудничество по всем азимутам);
- третий период, 2007–2014 (настойчивые попытки разграничения сфер влияния в виде «нового ялтинского мира»);
- четвертый период, 2014–23.02.2022 (внешнеполитический ревизионизм);
- пятый период, с 24.02.2022 по настоящее время (ультиматум Западу и специальная военная операция против Украины).

После распада Советского Союза во внешней политике России действовала инерция концепции «нового мышления». В отличие от Горбачева Борис Ельцин провозгласил строительство новой России на путях либеральной демократии и свободного рынка. Этот период продолжался чуть менее двух лет — с января 1992 года, когда российская государственность приобрела реальные черты, и до конца 1993-го. Важнейшим направлением внешней политики этого периода стало провозглашение президентом России «стратегического партнерства» с США. В этот период МИД России формирует взгляды на «неконфронтационную основу» складывающегося нового миропорядка, отсутствие внешних угроз безопасности для России и необходимость сосредоточиться на либерально-демократической модернизации новой России как органической части Запада. Министр иностранных дел А. Козырев заявлял: «Соединенные Штаты и другие западные демократии являются настолько же естественными друзьями и возможными союзниками демократической России, насколько они являются врагами тоталитарного СССР» [Козырев 1994, с. 59]. Предполагалось, что «стратегическое партнерство» будет сопровождаться ослаблением до ликвидации НАТО и усилением роли СБСЕ.

Зимой 1991/92 года министр иностранных дел России А. В. Козырев рассматривал президента Сербии С. Милошевича как идеологического противника. 30 мая 1992 года Россия голосует в Совбезе ООН за введение санкций против Югославии [Кожокин 2000, с. 43].

За период с 21 декабря 1991 года по 23 мая 1992-го мировое сообщество согласилось с политической формулировкой о России как о государстве — продолжателе СССР, четко определив формально-юридические рамки «продолжательства» четырьмя позициями (ядерный потенциал, членство в СБ ООН, собственность за рубежом, внешний долг СССР) [Юрьев 2006].

В целом внешняя среда создала благоприятные предпосылки для того, чтобы сосредоточиться на демократическом транзите и модернизации экономики России, что нельзя было сказать о внутривнутриполитическом контексте. «Шок-реформы» подорвали доверие народа к младореформаторам. Против реформ Гайдара выступили влиятельная коммунистическая оппозиция и утратившие при Ельцине свое влияние в обществе разнообразные представители так называемых государственников (представители ВПК, военных, милицейских и секретных служб, высшая и средняя бюрократия).

Конфликт между законодательной и исполнительной властью, приведший к двоевластию и вооруженному противостоянию в сентябре — октябре 1993 года, наложил отпечаток на всю политическую сферу тех лет. Состоявшиеся 12 декабря 1993 года выборы в Государственную думу и принятие новой Конституции Российской Федерации принесли неожиданные результаты. Конституция была одобрена большинством избирателей (58,4 % принявших участие и 32,3 % от общего числа избирателей). Что касается выборов в Государственную думу, то наибольшее количество голосов получила Либерально-демократическая партия В. Жириновского (22,7 %), а правящая партия «Выбор России» Е. Гайдара смогла набрать всего 15,4 % голосов, лишь на 3 % опередив коммунистическую партию [Пихоя 2007, с. 481].

Жириновский одержал победу, используя националистическую лексику, призывы к восстановлению СССР, установлению порядка и возвращению к традиционным русским ценностям.

В конце 1993 года линия российской дипломатии на «стратегическое партнерство» с США и европейскими государствами была подвергнута мощно организованной атаке, во главе которой, есть основания для предположения, находился руководитель Службы внешней разведки Е. Примаков. Он открыто озвучивал свои взгляды на международные проблемы и опубликовал ряд открытых докладов СВР [Кожокин 2000, с. 46].

На рубеже 1993–1994 годов проявился очевидный кризис «политики стратегического партнерства», обусловленный, во-первых, разочарованием либерально-демократических романтиков перед жестокой реальностью мировой политики, где фактор силы в межгосударственных отношениях никто не отменял; во-вторых, массивным давлением быстро восстанавливавшейся свое влияние в правящей элите советской номенклатуры второго эшелона, приходившей с реваншистскими имперскими идеями и ценностями. Эрозия либерально-демократических принципов и ценностей происходила одновременно во внутренней и внешней политике.

В статье министра иностранных дел А. Козырева, опубликованной в журнале «Международная жизнь», отражено стремление ельцинского руководства перехватить инициативу у коммунистов и националистов в определении приоритетов внешней политики. При этом, не отказываясь от линии

на «стратегическое партнерство», «Россия обречена быть великой державой. Такой она выходила из всех исторических потрясений, которые выпадали на ее долю. Такой она несомненно выйдет и из нынешнего кризиса. При национал-шовинистах — враждебной и угрожающей, при демократах — дружественной и мирной. Но во всех случаях великой» [Козырев 2002, с. 185]. Козырев определенно высказался против американской однополярной мировой гегемонии мира в пользу преимуществ многополюсного мира. Он предложил «правила партнерства», основанные на взаимном доверии. В качестве претензии он обращал внимание на «невозможность и контрпродуктивность исключения России из общих усилий по урегулированию конфликта на Балканах» [Там же, с. 189].

Приоритетными направлениями сотрудничества были определены «глобальная безопасность», «миротворчество», «стабильность на пространстве бывшего СССР», «права человека и национальных меньшинств», «содействие российским реформам и интеграция России в мировую экономическую систему». «Что плохого в том, что Россия провозглашает своей целью постепенную реинтеграцию постсоветского пространства, прежде всего экономическую, на добровольной и равноправной основе?» — ставил вопрос Козырев по одной из наиболее деликатных проблем признания приоритета политики России на постсоветском пространстве [Там же, с. 191]. В заключение Козырев отвечал тем, кто упрекал российскую дипломатию в роли младшего партнера США: «Мы не скрываем своих трудностей и отнюдь не претендуем на то, чтобы Запад аплодировал каждому нашему шагу. Равным образом и сами не намерены автоматически следовать за любыми шагами Запада» [Там же, с. 192].

Таким образом, российская дипломатия периода А. Козырева подошла к выражению недовольства односторонностью действий США на глобальном и региональном уровнях и игнорированием национальных интересов России на постсоветском пространстве, в области политики вооружений и разоружения, проявлениями неравенства в двусторонних отношениях. А. Козырев предлагал решение возникающих проблем через дальнейшее углубление сотрудничества и партнерских отношений. «Масштабность и дальновидность внешней политики во многом зависит от способности подняться над сиюминутными расчетами, “заглянуть за горизонт” ради крупных стратегических целей», — заключал министр [Там же].

Набравшая силу политическая оппозиция демократическому транзиту и «стратегическому партнерству» требовала от президента Б. Ельцина резкой смены внешней и внутренней политики.

10 декабря 1994 года в «Независимой газете» (главный редактор Виталий Третьяков) появилась инспирированная оппозиционными настроениями статья политолога Андраника Миграняна, заголовок которой «Внешняя политика России: катастрофические итоги трех лет. Пора сделать паузу, поменяв и политику, и министра» содержал категорическое требование изменения курса.

В статье А. Мигранян детально рассматривал важнейшие направления внешней политики: расширение НАТО на восток, карательную акцию США против Ирака, позицию России в отношении Югославии, ее нерешительность в вопросах интеграции с Белоруссией и решение крымского вопроса. Кроме того, он выражал беспокойство по поводу того, что Запад не собирался признавать особую роль России на пространстве бывшего СССР. «Политика США и их партнеров... в отношении Закавказья, Средней Азии и Украины явно направлена на формирование геополитического плюрализма на территории бывшего Советского Союза и предотвращение российского лидерства в СНГ». Свою статью А. Мигранян завершил двумя выводами: «Первое: продолжение выбранного курса губительно для России, и требуется кардинальная переоценка как роли, так и приоритетов ее внешней политики. Второе: нашим партнерам следует учесть, что угроза изоляции окажет серьезное воздействие на внутривластный процесс в России и сделает возможным приход к власти антизападных, крайне националистически ориентированных сил, которые смогут использовать изоляцию России для создания авторитарного мобилизационного режима для того, чтобы справиться с социально-экономическими проблемами внутри страны. При подобном развитии событий изолированная Россия с мобилизационным режимом как сжатая пружина станет серьезной и постоянной угрозой для международного сообщества».

С приходом в январе 1996 года в МИД Е. Примакова произошла смена стиля внешней политики, но курс в значительной степени остался тем же. Примаков исповедовал великодержавный прагматизм, недопущение односторонности и гегемонии США в мире, настойчиво развивал концепцию многополюсного мира, в котором евроазиатская держава Россия призвана стать одним из крупнейших центров экономического развития и политического влияния.

Сменились не стратегические цели внешней политики России, а средства их достижения. В первом случае речь шла о том, чтобы добиваться великодержавных целей в сотрудничестве с Западом, доказывая свою конкурентоспособность, во втором случае — о реализации примерно тех же целей в конфронтации с западными державами.

Значительная часть российской политической элиты и массового общества смутно представляла себе особенности жесткого функционирования международных и внутренних институтов демократического общества и свободного рынка. Демократия не выставляется на продажу на мировом аукционе, а рассматривается демократическим миром как естественный внутренний процесс, самим своим развитием дающий дивиденды обществу, избравшему демократический путь развития. В свободном мире доказывают свою состоятельность, а не выклянчивают уступки. Западные демократии уважают сильного и проявляют жалость только в отношении низко падших, но при этом категорически требуют от них расставания с собственным суверенитетом.

Что касается постсоветского геополитического пространства, то при любой российской внешней политике и любом правительстве Запад не собирался и не собирается априори закреплять его за Россией.

В предисловии к книге Збигнева Бжезинского на тот момент генерал-майор Службы внешней разведки Ю. Кобаладзе написал: «...Анализируя “kozyревскую” внешнюю политику, питавшую иллюзии “зрелого партнерства” России и США (то есть совместного “управления миром”), Бжезинский без обиняков, с солдатской прямолинейностью заявляет, что Америка никогда не собиралась делиться властью с Россией...» [Кобаладзе 1998, с. 9].

Вызов однополярностью. Многополюсность и многосторонность

Американский неореалист Дж. Миршаймер считает, что после распада СССР руководимые либеральными теориями США стремились создать либеральный международный порядок, который бы игнорировал классический баланс сил [Mearsheimer 2019, p. 23; Михайленко 2019]. Частью американского плана была интеграция Китая и России в либеральный мировой порядок. В связи с этим целью продвижения НАТО на восток была интеграция восточноевропейских стран и России в «либеральное сообщество безопасности». Реализация американского плана привела к прямо противоположным результатам. Архитекторы либерального порядка недооценили стремление отдельных народов и государств к достижению национальной идентичности и государственного суверенитета и реализации национальных интересов.

С 2005 года либеральный порядок начал сталкиваться с настолько серьезными проблемами, что стал разрушаться. Сдвиги в глобальном балансе сил подорвали однополярность и соответственно условия создания либерального международного порядка [Mearsheimer 2019, p. 23; Михайленко 2019].

С середины 1990-х годов российская дипломатия настойчиво продвигает идею многополярного мира, в котором за Россией будет признана сфера влияния над постсоветским пространством. По своей сути концепция многополярного мира является неокOLONиальной, предлагая закрепленное разделение мира между глобальными сверхдержавами.

В марте 2014 года Россия сделала заявку на выход из Ялтинского (Пост-ялтинского) мирового порядка и встала на путь глобального и регионального ревизионизма. Если в российской политической элите этот процесс воспринимается как возвращение к основам Ялтинского международного порядка, то в евроатлантическом мире это рассматривается как серьезный вызов ценностным основам Ялтинского мирового порядка, как попытка России отказаться от своей европейской идентичности [Ларюэль 2015]. Тем более что речь идет о ядерной державе и правопреемнице одного из основателей Ялтинского международного и мирового порядка.

Китайско-австралийский исследователь Бобо Ло отмечает: «Для многих на Западе действия Москвы в начале 2014 года означали конец иллюзий относительно сотрудничества и возвращение к геополитической и идеологической конфронтации. Россия после длительного нахождения на периферии стала центральным актором в новой глобальной драме» [Bobo Lo 2015, p. 43–44]. Кремль продвигает образ России как знаменосца антилиберальной Европы, или антизападной европейской цивилизации [Ларюэль 2015].

В новом формирующемся мировом порядке нет четких контуров и очевидных акторов, как это можно было увидеть в классической модели Ялтинского мира; США утрачивают позиции лидера, а Китай пока не готов взять на себя ответственность за мировой порядок.

Многослойность и многоуровневость мира, фрагментация мирового порядка не позволяют выстроить упрощенную структуру мира и распределения в ней сил. И в данном случае уместно сказать о том, что многополярность и многосторонность не одно и то же [Кортунов 2019]. Теоретики и политики из Евросоюза настойчиво продвигают концепцию многосторонности на уровне ООН. Кратко ее суть сводится к признанию всех государств равными и имеющими одинаковую правосубъектность [Langenhove 2011].

Стратегия не прямых действий

Лишь к концу 1990-х общественные оценки постсоветского транзита изменились. В это время уже 67 % опрошенных отметили, что «чужой» опыт нам не подходит, поскольку у «России свой особый путь» [Паин 2004, с. 97]. К началу 2000-х годов поддержка идеи «особого пути» стала почти тотальной, число ее сторонников возросло до 78 % [Андреев 2002, с. 60]. Современная правящая и доминирующая часть политической элиты исходит из безальтернативности пути, связанного с эскалацией антизападной политики.

Россия добивается признания ее сферы влияния на укороченном геополитическом пространстве, ограниченном бывшими советскими республиками, и стремится создать опорные пункты влияния в глобальном пространстве.

Концепт «Россия — великая энергетическая держава». 23 ноября 2000 года Правительство России одобрило документ «Основные положения Энергетической стратегии России до 2020 года». Его внешнеполитическая цель — использовать значительные энергетические ресурсы России и сильную топливно-энергетическую промышленность в качестве основы для расширения международной и внутренней политической силы России. Целью энергетической стратегии было трансформировать российские нефть и газ в международное политическое влияние. В 2006 году на саммите «восьмерки» Россия предложила подписать Хартию энергетической безопасности. Данное предложение базировалось на убеждении, что современная Россия может

эффективно контролировать значительную часть мировых энергетических резервов, их добычу и экспорт на внешние рынки [Ткаченко 2015, с. 27–33]. Позже энергетическая стратегия корректировалась неоднократно.

Мегапроект «Большое евразийское партнерство». После Мюнхенской речи 2007 года президента В. В. Путина стал формироваться российский региональный мегапроект Большого евразийского партнерства. Его целью является превращение России в главный центр интеграционной активности и экономического притяжения в Большой Евразии. Россия планирует региональный интеграционный проект, равноценный американскому, китайскому и европейскому мегапроектам. Речь идет о «многоуровневой интеграционной модели», «сети партнерств» — Евразийское экономическое партнерство как многосторонний институт по типу АСЕАН, ЕАЭС и др. [Цветов 2017].

«Дипломатия освобождения». С 2014 года у России новая внешняя политика — «дипломатия освобождения» — как максимально независимая политика, свободная от любых влияний и ограничений: блокирование любого внешнего воздействия на внутренние процессы в РФ, абсолютный внутренний суверенитет, не признающий международного вмешательства. Принципы международного права и основы миропорядка рассматриваются как инструменты избирательного применения [Фролов 2015]. В российских официальных текстах стал фигурировать термин «конкуренция» ценностных ориентиров и моделей развития. Про такую конкуренцию говорится, что она «приобретает цивилизационное измерение».

В качестве инструментов для достижения своих целей Россия активно использует «гибридные» инструменты влияния в широком диапазоне — от «мягкой силы» до военного принуждения к сотрудничеству. Российское руководство использует инструменты подрывной деятельности на территории соперников (противников) с целью ослабления их наступательного потенциала. Наконец, самая большая инновация во внешней политике, как отмечал военный эксперт М. Кофман, это «признание полезности военной силы». «Москва теперь считает применение военной силы в дозированных масштабах и в отдельных регионах (бывший СССР, Ближний Восток, Афганистан) эффективным инструментом быстрого достижения политических целей» [Там же].

Выступая по случаю вхождения в состав России новых территорий, президент В. В. Путин обозначил стратегическую цель восстановления «большой исторической России»: «Но нет ничего сильнее решимости миллионов людей, которые по своей культуре, вере, традициям, языку считают себя частью России, чьи предки на протяжении веков жили в едином государстве. Нет ничего сильнее решимости этих людей вернуться в свое подлинное, историческое Отечество» [Обращение 2022].

В евроатлантическом мире российская внешняя политика рассматривается как серьезный вызов ценностным основам Ялтинского мирового порядка, как

попытка России отказаться от своей европейской идентичности [Ларюэль 2015]. Не без оснований российский политолог А. Богатуров предупреждает: «Между тем, выходя из сферы западного притяжения, Россия вовсе не укрепляет свой суверенитет, а попадает в сферу притяжения других мировых субъектов» [Богатуров 2007].

Анализируя российскую доктрину «гибридной войны», представленную начальником Генерального штаба России в феврале 2013 года [Герасимов 2013], латвийский военный аналитик Я. Берзиньш подчеркнул, что новая военная доктрина размывает границы между поляризованными состояниями «войны» и «мира». Он выделил восемь фаз, в каждой из которых необходимо достигать установленных целей. В первых пяти некинетических фазах представлены только невоенные средства и методы, в последних трех (кинетических) — только этапы и методы с применением оружия. С шестой фазы предусматривается поэтапное начало военных действий [Гибридная война].

Quo vadis, Россия?

Нужна ли России новая постсоветская империя? Являются ли синонимами концепты «сильная Россия» и «имперская Россия»? На этот счет нет однозначных ответов. Философ и идеолог евразийства А. Дугин беспелляционно утверждает, что «судьба России, несомненно, быть империей. Но империей нового типа: демократической, полицентричной, многополярной...» [Сичкарь].

Писатель А. Солженицын в 1990 году, накануне краха СССР, предупреждал: «Нет у нас сил на окраины, ни хозяйственных сил, ни духовных. Нет у нас сил на Империю! — и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель!» [Солженицын 1990, с. 8].

Один из реформаторов 1990-х годов, Е. Гайдар, утверждал, что «пытаться вновь сделать Россию империей — значит поставить под вопрос ее существование» [Гайдар 2021, с. 17].

Нет также однозначного ответа на вопрос о том, в чем заключается содержание концепта «сильная Россия». Какой из типов «сильного государства» реализуется в России [Понкин 2018, с. 53–70]?

С. Кортунув обращает внимание на вызовы, связанные с формированием постсоветской российской идентичности: «Проблема России состоит в том, что ее идентичность никогда не была собственно национальной. Она была наднациональной — сначала имперской, а затем советской. Естественно, что после распада СССР РСФСР, и затем РФ не смогли в одночасье сформировать национальную идентичность, поскольку население этого самого большого осколка СССР не представляло собой нацию в западном смысле этого слова» [Кортунув 2008, с. 71]. В связи с этим, утверждает С. Кортунув, «проблема поиска новой — не чисто национальной и не чисто цивилизационной,

а именно национально-цивилизационной идентичности вышла на первый план». В результате национальная идентичность России представляет собой своего рода «слоеный пирог», ни один из слоев которого российской цивилизацией полностью не отторгнут. Это следующие слои (они же измерения идентичности): православный (религиозный); коммунистический (идеологический); либеральный (аксиологический); евразийский (геополитический или территориальный); культурный (европейский); национальный (этнический); имперский; технологический (модернизационный) [Кортунов 2008, с. 71, 73].

Проект сильной России способен объединить общество. Однако, как доказывает аргентинский политолог Э. Лаклау (Лакло), любой доминантный проект всегда содержит в самом себе возможность собственного отрицания и ниспровержения [Мюллер, Троцук, с. 117]. Проекту сильной России присуща двусмысленность, которая проявляется «в разрыве между желаемым и действительным состоянием страны, между стремлениями и реалиями» [Там же]. Попытки реализации нереалистичного конструкта угрожают становлению сильной России. С другой стороны, Э. Лаклау обращает внимание на парадоксы, связанные с реализацией концепта «сильная Россия». Он может стать «доминирующей идентификационной моделью только при наличии противников, которые бы блокировали попытки страны стать великой державой. И тогда сильная Россия артикулируется как преодолевающая все препятствия» [Там же, с. 118–119].

Вместо заключения

24 февраля 2022 года, начав Специальную военную операцию, Россия перешла от стратегии непрямых действий к новой практике реализации внешнеполитических целей, которая вывела отношения с Западом на более конфронтационный уровень. Выступая на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека 7 декабря 2022 года президент В. В. Путин отметил достигнутые на этот момент результаты Специальной военной операции: «...Вы упомянули о том, что появились новые территории, это все-таки значимый результат для России, это серьезный вопрос. И, чего уж греха таить, Азовское море стало внутренним морем Российской Федерации, это серьезные вещи. ...Петр I еще боролся за то, чтобы выйти к Азовскому морю» [Заседание 2022].

Список литературы

Андреев 2002 — Андреев А. Л. «Мы» и «они»: к характеристике внешнеполитических ориентаций российского общества // Россия в условиях трансформаций / под ред. С. С. Сулакшина. М., 2002. Вып. 21. 95 с.

- Богатуров 2007 — *Богатуров А.* Три поколения внешнеполитических доктрин России. URL: <http://intertrends.ru/old/thirteen/005.htm>
- Бурбулис 2007 — *Бурбулис Г. Э.* Россия на рубеже XX–XXI веков // Судьба России: вектор перемен. Екатеринбург ; М., 2007. Т. 1. 544 с.
- Верховский, Паин 2013 — *Верховский А. М., Паин Э. А.* Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Политическая концептология. 2013. № 4. С. 23–46.
- Гавров 2004 — *Гавров С. Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М. : Едиториал УРСС, 2004. 348 с.
- Гайдар 2021 — *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М. : АСТ, 2021. 592 с.
- Герасимов 2013 — *Герасимов В. В.* Ценность науки в предвидении. Военно-промышленный курьер. 2013. 26 февр.
- Гибридная война — Гибридная война и доктрина Герасимова. URL: <https://invoen.ru/analitika/doktrina-gerasimova> (дата обращения: 07.11.2022).
- Заседание 2022 — Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека. 7 декабря 2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70046> (дата обращения: 09.12.2022).
- Кобаладзе 1998 — *Кобаладзе Ю. Г.* Предисловие // Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. 256 с.
- Кожокин 2000 — *Кожокин Е. М.* Основные приоритеты внешней политики России (1992–1999) // Внешняя политика Российской Федерации, 1992–1999. М. : РОССПЭН, 2000. 325 с.
- Козырев 1994 — *Козырев А.* Запоздалое партнерство // Международные отношения. 1994. № 3. С. 59.
- Козырев 2002 — *Козырев А. В.* Стратегия партнерства // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002 : хрестоматия. М. : МГИМО, 2002. Т. 1. 539 с.
- Коньшев, Парфенов 2019 — *Коньшев В., Парфенов Р.* Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 12. С. 56–66.
- Кортунов 2019 — *Кортунов А. В.* Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка. Рабочая тетрадь. 2019. № 52. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/mezhdu-politsentrizmom-i-bipolyarnostyu-o-rossiyskikh-narrativakh-evolyutsii-miroporjadka/> (дата обращения: 01.11.2022).
- Кортунов 2008 — *Кортунов С.* Современная внешняя политика России. Стратегия избирательной вовлеченности : учеб. пособие. М. : Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2008. 568 с.
- Ларюэль 2015 — *Ларюэль М.* Россия как антилиберальная европейская цивилизация. URL: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/laruelle_counterpoint2-1 (дата обращения: 20.11.2022).
- Михайленко 2019 — *Михайленко В. И.* По ком звонит колокол? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/po-kom-zvonit-kolokol> (дата обращения: 01.11.2022).
- Мюллер, Троцук 2011 — *Мюллер М., Троцук И.* Проект сильной России в элитном образовании путинского периода: взгляд с позиций постструктуралистской теории дискурса // Форум новейшей восточно-европейской истории и культуры. 2011. № 1. С. 105–119.
- Обращение 2022 — Обращение Владимира Путина по случаю вхождения в состав РФ новых субъектов. URL: <https://tass.ru/politika/15921545> (дата обращения: 20.10.2022).
- Паин 2004 — *Паин Э. А.* Между империей и нацией. М. : Новое издательство, 2004. 248 с.
- Пихоя 2007 — *Пихоя Р.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий, 1985–2005. М. : АСТ-Астрель, 2007. 550 с.
- Понкин 2018 — *Понкин И. В.* Сильное государство // Право и государство. 2018. № 1–2 (78–79). С. 53–70.
- Сичкарь — *Сичкарь О.* Философ Александр Дугин: «Русская идея — это не наше творение, а то, что нас творит». URL: <https://portal-kultura.ru/articles/person/335704-filosof-aleksandr-dugin-russkaya-ideya-eto-ne-nashe-tvorenije-a-to-chto-nas-tvorit/> (дата обращения: 20.10.2022).
- Солженицын 1990 — *Солженицын А. И.* Как нам обустроить Россию: сильные соображения. Л. : Сов. писатель, 1990. 64 с.

- Ткаченко 2015 — Ткаченко С. Л. Россия как энергетическая сверхдержава: история концепции // Клио. 2015. № 3 (99). С. 27–33.
- Фролов 2015 — Фролов В. Дипломатия освобождения. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/11/27/618588-diplomatiya-osvobozhdeniya> (дата обращения: 22.11.2020).
- Цветов 2017 — Цветов А. Место поворота: АСЕАН и евразийский проект России. URL: <http://carnegie.ru/2017/10/17/ru-pub-73368> (дата обращения: 22.11.2019).
- Цыганков 2008 — Цыганков А. П. Внешняя политика России от Горбачева до Путина: формирование национального интереса. М. : Науч. книга, 2008. 272 с.
- Юрьев 2006 — Юрьев Д. Распад СССР, «правопреемство» и добрая воля России. URL: <https://regnum.ru/news/polit/602262.html> (дата обращения: 01.11.2007).
- Bobo Lo 2015 — Bobo Lo. Russia and the Shifting Global Order. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/field/field_document/20150708RussiaShiftingGlobalOrderQA.pdf (accessed: 12.11.2019).13 p.
- Langenhove 2011 — Langenhove L. V. Multilateralism 2.0: The transformation of international relations // <https://unu.edu/publications/articles/multilateralism-2-0-the-transformation-of-international-relations.html> (accessed: 10.10.2013).
- Mearsheimer 2019 — Mearsheimer John J. Bound to Fail. The Rise and Fall of the Liberal International Order // *International Security*. 2019. Vol. 43, no. 4 (Spring 2019). P. 7–50.

References

- Andreev, A. L. (2002), “‘We’ and ‘They’: to the Characteristics of the Foreign Policy Orientations of the Russian Society”, in Sulakshina, S. S. (ed.), *Rossia v usloviah transformatsiy* [Russia in the Conditions of Transformations]. Moscow, iss. 21, 95 p. (in Russian).
- Bobo Lo (2015), *Russia and the Shifting Global Order*, available at: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/field/field_document/20150708RussiaShiftingGlobalOrderQA.pdf (accessed 12.11.2019).
- Bogaturov, A. (2007), *Tri pokolenia rossijskih vneshnepoliticheskikh doktrin* [Three Generations of Russian Foreign Policy Doctrines], available at: <http://intertrends.ru/old/thirteen/005.htm> (in Russian).
- Burbulis, G. E. (2007), “Russia at the Turn of the 20–21 Centuries”, in *Sudba Rossii: vektor peremen* [The fate of Russia: the vector of change], Ekaterinburg, vol. 1, 544 p. (in Russian).
- Frolov, V. (2015), *Diplomatiya osvobozhdeniya* [Diplomacy of Liberation], available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/11/27/618588-diplomatiya-osvobozhdeniya> (accessed 22.11.2020) (in Russian).
- Gavrov, S. N. (2004), *Modernizatsia vo imia imperii. Sotsiokulturnye aspekty modernizatsionnyh protsessov v Rossii* [Modernization in the Name of Empire. Sociocultural Aspects of Modernization Processes in Russia]. Editorial URSS, Moscow, 348 p. (in Russian).
- Gaidar, E. T. (2021), *Smert imperii. Uroki dlia sovremennoi Rossii* [The Death of an Empire. Lessons for Modern Russia], AST, Moscow, 592 p. (in Russian).
- Gerasimov, V. V. (2013, February 26), “The Value of Science is in Foresight”, *Military-industrial courier* (in Russian).
- “Hybrid War”, in *Gibridnaia vojna i doktrina Gerasimova* [Hybrid War and the Gerasimov Doctrine], available at: <https://invoen.ru/analitika/doktrina-gerasimova/> (accessed 07.11.2022) (in Russian).
- Kobaladze, Yu. G. (1998), “Foreword”, in Brzezinski, Z. *Bolshaia shakhmatnaia igra* [Great chess board], Moscow, 256 p. (in Russian).
- Konyshchev, V. and Parfenov, R. (2019), “Hybrid Wars: between Myth and Reality”, *World economy and international relations*, vol. 63, no. 12, p. 56–66 (in Russian).
- Kortunov, A. V. (2019), “Between Polycentrism and Bipolarity: about Russian Narratives of the Evolution of the World Order”, *Workbook*, no. 52, available at: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/mezhdu-politsentrizmom-i-bipolyarnostyu-o-rossiyskikh-narrativakh-evolyutsii-miroporiyadka/> (accessed 01.11.2022) (in Russian).

- Kortunov, S. (2008), *Sovremennaiia vneshniaia politika Rossii. Strategia izbiratelnoi vovlechennosti* [Modern Foreign Policy of Russia. Selective Engagement Strategy], GU-HSE Publishing House, Moscow, 568 p. (in Russian).
- Kozhokin, E. M. (2000), "The main priorities of Russia's foreign policy (1992–1999)", in *Vneshniaia politika Rossijskoi Federatsii, 1992–1999* [Foreign Policy of the Russian Federation. 1992–1999], ROSSPEN, Moscow, 325 p. (in Russian).
- Kozyrev, A. (1994), "Belated Partnership", *International relations*, no. 3, p. 59 (in Russian).
- Kozyrev, A. V. (2002), "Partnership Strategy", in *Vneshniaia politika i bezopasnost' sovremennoi Rossii, 1991–2002* [Foreign Policy and Security of Modern Russia, 1991–2002], Moscow, vol. 1, 539 p. (in Russian).
- Langenhove, L. V. (2011), *Multilateralism 2.0: The transformation of international relations*, available at: <https://unu.edu/publications/articles/multilateralism-2-0-the-transformation-of-international-relations.html> (accessed 01.11.2022).
- Laruelle, M. (2015), *Rossia kak antiliberalnaia evropeiskaia zivilizatsia* [Russia as an Anti-Liberal European Civilization], available at: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/laruelle_counterpoint2-1 (accessed 20.11.2022) (in Russian).
- Mearsheimer, John J. (2019, Spring), "Bound to Fail. The Rise and Fall of the Liberal International Order", *International Security*, vol. 43, no. 4, pp. 7–50.
- Mikhailenko, V. I. (2019), *For whom the Bell Tolls?*, available at: <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/po-kom-zvonit-kolokol> (accessed 01.11.2022) (in Russian).
- Muller, M. and Trotsuk, I. (2011), "The Project of a Strong Russia in the Elite Education of the Putin Period: a View from the Standpoint of Post-Structuralist Theory of Discourse", *Forum of Recent Eastern European History and Culture*, no. 1, 105–119 p. (in Russian).
- Obrashenie Vladimira Putina po sluchaiu vkhozhdenia v sostav RF novykh subjektov* [Vladimir Putin's Address on the Occasion of the Entry of New Subjects into the Russian Federation], (2022), available at: <https://tass.ru/politika/15921545> (accessed 20.10.2022) (in Russian).
- Pain, E. A. (2004), *Mezhdru imperiei i natsiei* [Between Empire and Nation], New publishing house, Moscow, 248 p. (in Russian).
- Pikhoya, R. (2007), *Moskva. Kremlin. Vlast. Dve istorii odnoi strany. Rossiya na izlome tysecheletij, 1985–2005* [Moscow. Kremlin. Power. Two Stories of one Country. Russia at the Turn of the Millennium. 1985–2005], AST-Astel, Moscow, 550 p. (in Russian).
- Ponkin, I. V. (2018), "Strong State", *Law and State*, no. 1–2 (78–79), p. 53–70 (in Russian).
- Sichkar, O., *Filosof Aleksandr Dugin "Russkaia idea eto ne nashe tvorenie, no a to chto nas tvorit"* [Philosopher Alexander Dugin: "The Russian Idea is Not our Creation, but What Creates Us"], available at: <https://portal-kultura.ru/articles/person/335704-filosof-aleksandr-dugin-russkaya-ideya-eto-ne-nashe-tvorenie-a-to-chto-nas-tvorit/> (accessed 20.10.2022) (in Russian).
- Solzhenitsyn, A. I. (1990), *Kak nam obustroit' Rossii: possilnye soobrazenia* [How do We Equip Russia: Feasible Considerations], Soviet writer, Leningrad, 64 p. (in Russian).
- Tkachenko, S. L. (2015), "Russia as an Energy Superpower: the History of the Concept", *Clio*, no. 3 (99), p. 27–33 (in Russian).
- Tsvetov, A. (2017), *Vmesto povorota: ASEAN i Evrazijskiy project* [Instead of a Turn: ASEAN and the Eurasian Project of Russia], available at: <http://carnegie.ru/2017/10/17/ru-pub-73368> (accessed 22.11.2019) (in Russian).
- Tsygankov, A. P. (2008), *Rossijskaia vneshniaia politika ot Gorbacheva do Putina: formirovanie natsionalnogo interesa* [Russian Foreign Policy from Gorbachev to Putin: the Formation of the National Interest], Scientific book, Moscow, 272 p. (in Russian).
- Verkhovskiy, A. M. and Pain, E. A. (2003), "Civilizational Nationalism: the Russian Version of the 'Special Path'", *Political Conceptology*, no. 4, pp. 23–46 (in Russian).
- Yuryev, D. (2006), *Raspad SSSR, pravopremstvo i dobraia volia* [The Collapse of the USSR, "Succession" and the Good Will of Russia], available at: <https://regnum.ru/news/polit/602262.html> (accessed 01.11.2007) (in Russian).

Zasedanie Soveta po razvitiu grazhdanskogo obschestva i pravam cheloveka. 7 dekabria 2022 [Meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights. December 7, 2022] (2022), available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/70046> (accessed 09.12.2022).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 30.11.2022

Принята к публикации / Accepted: 21.12.2022

Информация об авторе

Михайленко Валерий Иванович
доктор исторических наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-2576-212X

Information about author

Mikhaylenko, Valeri Ivanovich
D. Sci (History), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru
Author's ORCID: 0000-0002-2576-212X